

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Вот куд - 1000 - 20 июня - 94.
Бари **АЛИБАСОВ:**

ПОНТ ДОРОЖЕ ДЕНЕГ

Владислав Чеботарев разговаривал с Бари Алибасовым на самые разные темы — о донжуанских похождениях наших звезд и политике Рузвельта, о наркотиках и сплетнях вокруг "На-На", об аморальности бизнеса и роковой роли женщин в разрушении эстрадных коллективов. В итоге получилась интересная книжка с достаточно нахальным, как и хотелось Алибасову, названием, — "Основы НА-НАйской философии". Отрывок из нее мы предлагаем вниманию наших читателей.

— Это о нас, об артистах, сложена поговорка "Понт дороже денег". Не может кумир быть на одном уровне с толпой, в чем я глубоко убежден. Кумир всегда над публикой, потому что сама публика не может позволить ему опуститься ниже, чем вознесла его судьба. Кумир должен стоять на пьедестале. Поклоняться равному себе или тому, кто ниже, — это абсурд. Это значит, что публика лишает себя той возвышенной цели, того заветного образа, к которому стремится всей душой.

— **Образ образ, а живой человек есть живой человек.**

— Это все равно. Не важно, обладает ли на самом деле твой кумир теми возвышенными чертами, какими наделяет его влюбленная в него публика, или нет. Если даже и нет, он должен хотя бы не проколотся в этом. Что создает самую большую проблему для любой звезды. С одной стороны, он должен выглядеть в глазах толпы каким-то идеалом, с другой — ни один живой человек не был и не может быть идеалом по причине своего сугубо земного происхождения. Так что кумир, по сути, очень одинокий человек. Все это в полном смысле слова относится к Алле Борисовне. Я имею в виду именно этот непреодолимый барьер, который одновременно и связывает ее с массами, и отделяет ее от них... Вспомните хотя бы все те черты, которыми практически постоянно наделяет Аллу пресса, — то она, дескать, хамоватая, то грубая, то вульгарная, то надменная, то развязная...

— Ну, знаете, людям, незнакомым со звездой, вольно думать все, что заблагорассудится. А вот что вы думаете на этот счет?

— Я не думаю, а знаю. Знаю то, что великая певица Алла Борисовна Пугачева — очень незащищенный человек, но это никогда не должно видеть публики. Ведь мы, артисты, всегда играем на публику. А по большому счету — все играют в той или иной степени в соответствии с шекспировской формулой: "Весь мир — театр, а люди в нем — актеры". Только одни — актеры по профессии, а другие — по способу существования. А игра, она и есть игра. В ней ты или выиграл, или проиграл.

— **Бывает и ничья.**

— Так вот чем объяснить, что практически все романы Аллы до Филиппа были с женатыми мужчинами? Кузьмин был женат, Челобанов был женат. А значит, она не могла рассчитывать на безграничную близость с ними. Челобанову Алла посвятила три года своей жизни — она была для него и продюсером, и промоутером, и не знаю еще кем... Причем я думаю, что как женщина она от него не имела

ничего. Ну ладно, мы, мужики, еще имеем какую-то степень свободы — можем, если надо, снять на ночь проститутку... А как быть в этом смысле одинокой женщине, тем более женщине-кумиру? Возможно ли ей выйти в гостиничный коридор и сказать первому встречному: "Пойдем со мной!?" Я имею в виду не конкретно Аллу, а вообще женщину в ранге звезды. То есть женщина-кумир находится в еще более изолированном, отчужденном положении, чем мужчина-кумир! Мужик ведь может себе позволить и расслабиться, быть отвязным, перейти какие-то границы, причем это нередко плюс к его имиджу. А для женщины-кумира это всегда минус. И поэтому она, оставаясь беззащитной перед целым светом, безусловно одинока и как человек, практически ничего от жизни не имеет. Как-то, помню, Алла сказала мне пронзительную фразу, в точности передающую ее тогдашнее состояние: "Ты понимаешь, всенародная любовь утром кофе в постель не подает и руку тебе на... не положит". Эта фраза объясняет, на мой взгляд, всю сущность кумира.

— **Громовая фраза, достойная богини.**

— У А. Б. острый ум и потрясающее чувство юмора. Как-то раз Юра Шатунов, небезвестный солист "Ласкового мая", пригласил на свою дачу Аллу, Челобанова и меня с "На-Ной". И вот когда мы дружно экскурсировали по всем шести этажам дачи Юры Шатунова...

— **Шести, вы сказали?**

— ...Алла мне и говорит: "Вот надо же, а? всю жизнь на сцене проработала, стала суперзвездой и не смогла скопить себе даже на дачный сортир. А этот сосун, которому всего девятнадцать лет, уже имеет такое... Что, блин, за страна, где мы живем?" И тут вдруг наш хозяин Юра, паренек простой, детдомовский, стал сербать чай с таким громовым захлебом, что мы аж переплянули. Было такое ощущение, что он, заглядывая чай, пропускает его сразу через прямую кишку, а потом все это со страшным свистом вылетает у него из задницы... Уж на что Алла человек терпимый ко всему, чего только в жизни не повидала, но тут, вижу, и ее проняло. "Юра, — укоризненно говорит она, — ну разве можно так громко сербать? Тут ведь как-никак дама". Юра недоуменно смотрит на нас, явно не понимая, в чем его оплошность. А я говорю: "Если бы я имел такую дачу, я бы за столом мог себе и не такое позволить!" Алла тут же подхватила: "Ты сербай, сербай, Юрочка"... Алла всегда под присмотром биноклей. Чуть что — визг и вой в прессе, что примадонна, видите ли, чересчур многое себе позволяет. Ну так на то она и примадонна, черт возьми! Гиганты должны обладать и гигантскими возможностями.

— **Но хотелось бы знать, чем определяется мера этого гигантизма.**

— Да ничем, кроме масштаба их собственной личности. Они сами себе мера. Никто над ними больше не судья. И в этом смысле необычайно притягательна для меня личность Иосифа Давыдовича Кобзона. Чего только о нем не говорят! Но я всегда определяю для себя человека не по слухам и разговорам о нем и даже не по его собственным декларациям. Только по его поступкам! Причем не по всяким. Есть ведь поступки глубоко осознанные, продуманные, имеющие далеко идущий стратегический прицел. Скажем, ты сейчас кому-то помогаешь, но — в расчете на то, что когда-нибудь это тебе аукнется несомненной выгодой. А есть поступок неосознанный, идущий из самой глубины твоего естества.

— **Так что же Иосиф Давыдович?**

— В конце семидесятых годов работаем мы как-то во Дворце спорта в Лужниках. В концертах, о которых я рассказываю, "основным коллективом" на протяжении трех дней был "Интеграл", и все выступавшие свободно пользовались нашей звуковой аппаратурой. Исполнителей была масса. Программу обычно открывал Суржиков, за ним шел Кобзон, потом по порядку — Рюмина, Воронеж, различные пародисты, юмористы и так далее. Мы, провинциалы, считали, что все идет как и положено, не находили в подключении к нашей аппаратуре чужих музыкантов ничего необычного. Хотя музыканты Москонцерта не разрешали пользоваться их усилителями. По истечении трех дней приходит за кулисы звукоинженсер "Интеграла" с шестью бутылками водки: "Вот, получите". Я говорю: "Где ты это взял?" — "Да подошел, — говорит, — администратор от Кобзона, поблагодарил за то, что мы разрешили им воткнуться в наши усилители. Огромное спасибо от Иосифа Давыдовича лично звукоинженсеру "Интеграла" и всей группе". Представляете? Все остальные артисты приходили, втыкались и уходили, воспринимая это как должное. Никто даже спасибо не сказал.